

Людмила Константиновна Нефёдова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Субъект в генезисе религии и искусства

Аннотация. В статье представлено тождество и различие в проявлении субъектности в религиозном и художественном познании, основа которых — природные основания человека как субъекта культуры в его отношении к миру как объекту практики и познания. Обоснована большая свобода и креативность субъекта искусства, что связано с характером художественной деятельности, в которой субъект определенно выделяется как непосредственный творец — художник. Подчеркивается близость религиозного и художественного познания, включающего откровение, веру, доопытное знание, творческое воображение, фантазию как естественные основания данных видов познания. Принцип субъектности обеспечивает прочность и силу бытия религиозных и художественных феноменов, а также разнообразие и развитие таких форм сознания, как вера, философское мышление, эмоциональное переживание.

Ключевые слова: религия, искусство, феномен, субъект, объект, сознание, вера, тождество, различие, нуминозное.

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

The Subject in the Genesis of Religion and Art

Abstract. The article presents the identity and difference in the manifestation of subjectivity in religious and artistic cognition, the basis of which is the natural foundations of man as a subject of culture in his attitude to the world as an object of practice and cognition. At the same time, the great freedom and creativity of the subject of art is justified, which is associated with the nature of artistic activity, in which the subject definitely stands out as a direct creator — artist. At the same time, the proximity of religious and artistic knowledge is emphasized, including revelation, faith, experimental knowledge, creative imagination, fantasy as the natural foundations of these types of knowledge. The principle of subjectivity ensures the strength and power of the existence of religious and artistic phenomena, ensures the diversity and development of such forms of consciousness as faith, philosophical thinking, emotional experience.

Keywords: religion, art, phenomenon, subject, object, consciousness, faith, identity, difference, numinous.

Введение (Introduction)

Конструирование философского понимания субъекта становится всё более актуальной проблемой социогуманитарного знания, так как проясняет силовые линии системных перестроек современных цивилизаций. Категория субъекта является базовой в понимании смыслов различных подсистем цивилизационных изменений: в экономике, производстве, потреблении, политике, науке, здравоохранении, а также в религии и искусстве. Осмысление субъекта в генезисе религии и искусства нацелено, в частности, на рассмотрение природных оснований субъектности человека в истоках религии и искусства. Цель настоящей работы — выявление философско-антропологических смыслов оппозиции «религия — искусство», а также раскрытие тождества и различия

в проявлении субъектности в религиозном и художественном познании.

Методы (Methods)

Осмысление генезиса религии и искусства с позиций субъекта опирается, во-первых, на сложившееся в философии понимание субъекта как «активно действующего и познающего, обладающего сознанием и волей человека» [1, с. 399]. Заметим, что понятие человека в данном определении не отождествляется с понятием отдельного индивида, но предполагает совокупное понимание человека как вида живых организмов, способного к разумной деятельности. Обращение к генезису религии и искусства предполагает внимание к их истокам, оформлению и раз-

виту в связи с познанием и деятельностью человека, т. е. к их происхождению, возникновению, процессу образования и становления [2, с. 162].

Во-вторых, мы опираемся на мысль, что в истоках религии и искусства как форм общественного сознания и феноменов культуры лежат природные основания человека как субъекта культуры в его отношении к миру как объекту практики и познания.

В-третьих, мы рассматриваем эти отношения как связь субъекта и объекта, специфика которой определена Г. В. Ф. Гегелем через три последовательные ступени: положенность объекта в субъекте; представленность объекта в субъекте; признанность объекта субъектом. Иными словами, в процессе познания субъектом объекта объект полагается в нём, т. е. находит место в сознании субъекта, отражается в нём. Будучи положенным в сознание субъекта, объект получает в нём представленность. Положенность и представленность объекта в субъекте необходимо ведут к его признанию субъектом.

Литературный обзор (Literature Review)

В основе методологического подхода к генезису субъекта религии и искусства положена, прежде всего, рефлексия Гегеля, осмысляющего духовную идею, божественную истину, явленную в духе, как чувственную истину, данную непосредственному созерцанию в искусстве [3, с. 214]. Отсюда вытекает, что искусство опредмечивает духовную истину в соответствии с ее сущностью, собирая в фокус ее проявления. При этом Гегель подчеркивает роль субъективной формы, которую художник дал своему произведению, указывая на то, что в процессе создания произведения он уходит из сферы внешнего и погружается в себя. Здесь Гегель нащупывает разрыв между практикой воплощения идеи и сущностью самой божественной идеи [3, с. 215].

Тема субъекта религии и искусства звучит у В. Джемса в контексте осмысления религиозного опыта. Художник — субъект «религии душевного здоровья», создает произведения, духовно врачующие через внушение, размышление, самоуглубление [4, с. 79–80]. Таковы Гомер и Уолт Уитмен. Будучи субъектом «религии страждущей души», художник преувеличивает значение зла в мире и мучительно ищет ответ на вопрос — признавать ли зло существенным элементом мироздания? [4, с. 114]. Такую религию исповедовали И. В. Гете, Л. Н. Толстой. Особо Джемс выделяет отражение мистического опыта с его неизреченностью, интуитивностью, бездеятельностью воли в поэзии А. Теннисона [4, с. 306].

Религиозный субъект у Р. Отто переживает встречи с нуминозным как чувство тварности, иррациональное ощущение трансцендентного объекта, священный трепет, чувство восторга сакральной ценности [5]. Данные экзистенциальные состояния эксплицированы в художественных и сакральных текстах.

У Л. Леви-Брюля в концепции феномена первобытного мышления выявлен аспект партиципации — сопричастности пралогического архаического человека природному миру. Сопричастность пронизывает все виды духовных и материальных культурных практик первобытного человека, явля-

ясь основой предсубъектности. «Ощущения сопричастности и единства... обновляются... во время священных церемоний. Они не нуждаются в выражении при помощи определенных понятий, для того чтобы быть предметом глубокого переживания всех членов группы» [6, с. 73].

К истокам субъектности обращался Ж. Батай. Субъектность есть сущностная характеристика человека, отличающая его от животного, пребывающего в своей среде, подобно потоку воды в водной стихии [7, с. 21–23]. Ничто не может нарушить этой имманентности животного по отношению к самому себе, даже страх. Человеку же свойствен взгляд на себя со стороны. Животное пребывает в единении с миром, в то время как человек дифференцирован по отношению к миру. Данная основа в понимании субъектности находит дальнейшее выражение в постмодернистской деконструкции творчества ряда избранных авторов с позиций всевластности зла в основах мироздания и пронизанности злом литературного творчества. Страждущая религиозность Джемса при этом явно переродилась у Батай в самовластность художника и предательство [7, с. 321–328].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

На основе гегелевской модели взаимодействия субъекта и объекта познания и деятельности рассмотрим специфику субъекта религии и субъекта искусства.

Человек — субъект религии. Объект его познания и деятельности — священное, нуминозное начало бытия. Взаимодействие субъекта и объекта в религиозном познании проявляется в том, что мир и идея Бога в нём (или Бог, Аплах, Абсолют, таинственная сила и т. д.) как объект религиозного познания, понимания, отношения и деятельности есть данность, которая *положена* в сознание субъекта. При этом мир в качестве объекта, будучи единым и множественным одновременно, в сознании разных субъектов может быть положен по-разному. В сознании анимиста, например, положен мир, детерминированный душами умерших предков. «Во всех существах, за всеми явлениями природы они видят *души, духов, воли*, которые подобны обнаруживаемым ими в себе самих...» [6, с. 14]

В сознание шаманиста [8] положен мир, где возможно экстатическое путешествие шамана, добывающего исцеление страждущему. В сознании иудея лежит идея откровения должностования гневному карающему Иегове. «Вечный источник силы струится, вечное прикосновение ожидает, вечный голос звучит» [9, с. 105], требуя от избранного народа предписания исхода в Землю обетованную.

Отрицание единой и неизменной личности, медитативное постижение истины, лежащей за пределами понятий и концепций в процессе следования по восьмеричному пути, положены в сознание буддиста [10]. Сознание христианина вмещает в себя непостижимую троичность бытия, чувство собственной тварности и священный трепет угадывания высшей силы [5]. Покорность воле Всевышнего Милостивого и Милосердного, нормативность, массовость, региональность определяют сознание мусульманина [11].

Феноменальный мир и таинственную силу, сотворившую его, невозможно постичь ни чувственно, ни рационально.

В то же время мир как объект религиозного познания *представлен* чувственно образно посредством зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса. Представленность картины мира в религиозном сознании есть основание ступеньки, ведущей к формированию понятия, определяющего понимание мира. Слезотечение иконы, иллюзия левитации йога, танец дервишей, суггестивное воздействие шамана, настойки кактуса или галлюциногенных грибов, меняющие состояние сознания верующего, молитвенное озарение, голоса, шепчущие о необходимости спасения, — всё это есть *иерофания* — представленность непостижимого, нуминозного, обусловленного неким трансцендентным таинственным началом. Чувственное познание на ступени представленности включает опыт, знание, эмоциональное переживание и даже состояние откровения. Откровение может быть весьма убедительным и меняющим мировоззренческие структуры, но оно не есть нечто тождественное доказательной медицине, которая строится на обработке большого количества статистических данных, полученных в результате многоступенчатой проверки, что дает представление об оптимальном количественно измеримом действии того или иного препарата. Представления, формируемые в процессе религиозного опыта, подкрепленные знанием и эмоциями, индивидуальны, единичны и не требуют доказательства статистикой.

Единичность религиозного опыта определяет *признанность* объекта в субъекте. Приверженцы религии как безусловную истину признают догматы своей религии, являются участниками ритуально-обрядовых практик, членами соответствующих религиозных организаций. Признание опирается на веру, опыт, знание и, в свою очередь, детерминирует их. Признание — результат убеждения, опыта, знания, веры, саморефлексии. Признание, сформированное на основе чувственных и интуитивных интенций субъекта, а также интенциональности трансцендентного нуминозного объекта, определяет убеждения, а также поведение верующего, подчас противоречащее здравому смыслу и даже инстинкту самосохранения.

Человек — субъект искусства. Объект его познания — действительность во всех ее проявлениях. Взаимодействие субъекта и объекта в художественном познании проявляется в том, что мир в целом, а также картина или образ какой-либо части мира в его феноменальном бытии положены в сознание субъекта искусства, отражаются в нём. Будучи представленным в субъекте, образ мира признается им в художественно-эстетической форме. В акте признания художественного образа мира имеют значение опыт художественного восприятия, вера в эстетические идеалы, духовные ценности, знание искусства и понимание ценности художественного мастерства. Специфика субъекта искусства отличается большой свободой, дерзостью, креацией, в то время как субъект религии менее свободен: он формирует догматику, которой неукоснительно следует.

Субъект искусства дифференцирован в большей степени, чем субъект религии, что связано с характером художественной деятельности, в которой выделяется весьма определенно как непосредственный творец — художник, так и реципиент — субъект воспринимающий, постигаю-

щий, изучающий искусство. Мир как объект художественно-эстетического познания, понимания и отношения *положен* в сознание субъекта в его пространственно-временном выражении в дифференцированных чувственных формах: краске, линии, объеме, звуке, движении, а также в их пространственно-временных формах. Эта пространственно-временная *положенность* мира как объекта художественного познания критерияльно значима как для художника, так и для реципиента, без различия исторических эпох, художественных направлений и стилей. В искусстве всегда имеет место узнавание мира как *положенного* в сознание субъекта.

Мир как объект художественного познания *представлен* образно, чувственно через зрение, слух, способствующие формированию на основе художественного восприятия образных представлений. У художника представленность формируется в сфере творчества, в процессе рождения и реализации замысла художественного произведения, у реципиента — в сфере постижения искусства. В искусстве представленность реального мира как объекта в субъекте несколько отличается от представленности мира как религиозного объекта в сознании верующего. Художественная и религиозная призмы полагания объективной реальности в религиозном и художественном сознании значительно отличаются, хотя обе они так или иначе связаны с вымыслом и фантазией. Действительный мир верующего субъекта, будучи его внутренней субъективной версией объективного мира, полагается им как объективно необходимая всеобщая реальность, обусловленная догмами религии. Так, реальность буддиста обусловлена сансарой, кармой, возможностью следования по восьмеричному пути. Реальность христианина обусловлена загробным воздаянием. В конечном итоге реальность верующего обусловлена его связью с трансцендентным в соотношении с догматами той или иной конфессии, к которой он принадлежит.

Художественная реальность есть необходимая, но и свободно создаваемая субъектом искусства (и художником, и реципиентом) реальность. Она моделируется на основе законов художественного творчества, которые даже в традиционных формах искусства не обладают непрерываемым статусом религиозных догм. Таким образом, *положенность* объекта в сознание субъекта в искусстве может иметь более субъективный характер, поскольку ощущение и восприятие искусства не определяются догмой, безусловным образцом, каноном, катехизацией.

Признанность объекта художественного познания в сознании субъекта искусства также отличается более высокой степенью свободы от признанности объекта религии в сознании верующего. Художник и реципиент, признавая объект художественного познания, углубляясь в законы и практики творчества, даже посвящая всю свою жизнь служению искусству, остаются в его сфере более свободными, чем верующий в сфере религии. Искусство, как и религия, стремится к постижению истины, опираясь на онтологию копирования, конструируя художественную модель реальности на основе вымысла, фантазии, постулируя условность художественного конструкта. Художник, так же как и философ, опирается на модель объяснения-понимания реальности, допуская возможность развития этого понимания. Привер-

женцы религии в стремлении к истине полагают догматику своей религии априори единственной и необходимой. Элементы искусства, игры, философские суждения для верующего служат исключительно для подтверждения религиозной догматики.

Осмысление оппозиции «субъект — объект» в религии и искусстве в аспекте интенциональности объекта позволяет говорить о тождестве и различии в проявлении субъектности в религиозном и художественном познании. Рассмотрим специфику данной оппозиции в религии и искусстве.

В религии (в религиозном сознании, религиозной деятельности, религиозной организации) важен субъект — индивид или группа носителей данного вида сознания и деятельности — религиозная общность. Чрезвычайно большое значение имеет численность последователей религии. Так, уходят в прошлое ранние формы религии, постепенно теряя носителей данного типа религиозного сознания и религиозной деятельности. В то же время имеет место возрождение и обновление древних культов (друидов, славянского язычества, вайшнавизма), так как оформляется та или иная общность носителей этих и иных видов архаичного религиозного сознания. Численность приверженцев мировых религий — буддизма, христианства, ислама — составляет миллионы человек. Принцип субъектности обеспечивает прочность и силу бытия религиозных феноменов, обеспечивая разнообразие форм сознания (веру, учение, убедительность догматики, привлечение форм морали, права, научного и философского мышления, искусства). Субъектность религии укрепляется через деятельность, как сакрализованную ритуально-обрядовую культовую религиозную деятельность, так и некультовую религиозную деятельность, например через образование, художественное творчество, социальное конструирование. Субъектность находит выражение в религиозных организациях, способствующих сплочению верующих. Религиозная общность может быть по-разному организована в разных религиях. В христианстве церковь представляет собой наиболее развитый религиозный институт, выстраивая взаимоотношения с государственно-правовыми общественными институтами, образованием, культурой, наукой. В исламе институционализация религии сопряжена с государственно-правовыми социальными институтами. Религиозные общины в неортодоксальных религиозных направлениях отличаются особой приверженностью ее членов догматике и строгостью в выполнении предписаний. В любом случае организационные формы определяют субъектностную прочность религии, начиная от архетипической оппозиции «пастырь — паства» до более сложных организационных форм монашеского ордена, будь то буддийская сангха, или орден иезуитов, или суфийские ордена.

В искусстве также есть субъект — художник или творческая группа, профессиональные сообщества, осуществляющие художественную деятельность. Ценители и поклонники также способствуют упрочению бытия искусства. Спектакль, концерт, выставка, кинофильм, литературное произведение для осуществления своих функций нуждаются в зрителе, слушателе, читателе. Искусство, как и религия, представляет собой определенный институт. Оно имеет формы своего профессионального воспроизводства — учебные заведения, готовящие деятелей искусства и искусствоведов. Существуют учреждения, представляющие различные формы художественного процесса: театры, музеи, филармонии, библиотеки, выставочные залы. В искусстве также есть выход субъекта за пределы себя в своей деятельности. Рождение замысла художественного произведения, процесс его осуществления, создание произведения представляют для художника выход в инобытие, в неведомое, способствуя, как и в религии, осуществлению связи с трансцендентным. Самозабвение, откровение, вдохновение — экзистенциальные состояния подлинного художника, близкие состоянию верующего, переживающего религиозный опыт.

Таким образом, можно обоснованно говорить о близости религиозного и художественного познания, о роли откровения в нём, о вере, о допытном знании, о творческом воображении, фантазии как естественных основаниях данных видов познания.

Заключение (Conclusion)

Действительно, и в религиозном, и в художественном познании объект явлен субъекту, хотя следует заметить, что явленность и религиозного, и художественного объекта всегда граничит с его нуминозностью — непостижимостью. Субъект определяет носителя определенного рода деятельности, связанной со способностью выходить за пределы существующего и делать предметом собственную жизнедеятельность. Субъект — это бытие, которое себя определяет с *самого себя*. Субъект религии и субъект искусства по определению выходят в своей деятельности за пределы самих себя. Однако это несколько разная деятельность, а следовательно, и разный выход.

В религии субъект, переживая опыт веры, так или иначе выходит за пределы своего мирского бытия в инобытие, где полагает возможным осуществление связи с абсолютным бытием. В явленном ему мире субъект переживает через знаки и символы встречу с трансцендентным, нуминозным, или, как полагают верующие — с Богом. Это находит выражение в религиозном опыте, который индивидуален и трудно поддается рациональной рефлексии, но может в корне изменить миропонимание человека.

Библиографический список

1. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. 3-е изд. М. : Политиздат, 1972. 496 с.
2. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1954. 856 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 т. М. : Искусство, 1973. Т. 4. 676 с.
4. Джемс В. Многообразие религиозного опыта. Репринт. издание. СПб. : Андреев и сыновья, 1992. 418 с.

5. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевича. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 272 с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / пер. с фр. М. : Педагогика-Пресс, 1999. 608 с.
7. Батай Ж. Теория религии. Литература и Зло. Минск : Современный литератор, 2000. 352 с.
8. Элиаде М. Шаманизм и архаические техники экстаза / пер. с фр. А. А. Васильевой, Н. Л. Сухачева. М. : Ладомир, 2014. 552 с.
9. Бубер М. Два образа веры. М. : АСТ, 1999. 592 с.
10. Захаров Д. С. Философские особенности буддийского религиозно-философского дискурса: Е. А. Торчинов, В. И. Рудой // Вестн. Таганрог. ин-та управления и экономики. 2020. № 2 (32). С. 97–100.
11. Абдулагатов З. М. О критериях религиозности в исламе // Исламоведение. 2020. Т. 11, № 3 (45). С. 57–71. DOI: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-57-71

References

- Abdulagatov Z. M. (2020) O kriteriyakh religioznosti v islama [On the Criteria for Religious Commitment in Islam], *Islamovedenie [Islamic Studies]*, vol. 11, no. 3 (45), pp. 57–71, doi: 10.21779/2077-8155-2020-11-3-57-71 (in Russian)
- Bataille G. (2000) *Teoriya religii. Literatura i Zlo [Theory of Religion. Literature and Evil]**. Minsk, Sovremenniy literator Publ., 352 p. (in Russian)
- Buber M. (1999) *Dva obraza very [Two Images of Faith]**. Moscow, AST Publ., 592 p. (in Russian)
- Eliade M. (2014) *[Le Chamanisme et les techniques archaïques de l'extase]*. Moscow, Ladomir Publ., 552 p. (in Russian)
- Gegel' G. V. F. (1973) *Ehstetika [Aesthetics]**. Moscow, Iskustvo Publ., vol. 4, 676 p. (in Russian)
- James W. (1992) *[The Varieties of Religious Experience]*. Saint Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 418 p. (in Russian)
- Lekhin I. V., Petrov F. N. (eds.) (1954) *Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of Foreign Words]**. 4th ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 856 p. (in Russian)
- Levy-Bruhl' L. (1999) *[Le surnaturel et la Naturel dans la mentalité primitive]*. Moscow, Pedagogika-Press Publ., 608 p. (in Russian)
- Otto R. (2008) *[Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen]*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet Publ., 272 p. (in Russian)
- Rozenal' M. M. (ed.) (1972) *Filosofskii slovar' [Philosophical Dictionary]**. 3rd ed. Moscow, Politizdat Publ., 496 p. (in Russian)
- Zakharov D. S. (2020) Filosofskie osobennosti buddiiskogo religiozno-filosofskogo diskursa: E. A. Torchinov, V. I. Rudoi [Philosophical Features of the Buddhist Religious and Philosophical Discourse: E. A. Torchinov, V. I. Rudoi]*, *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ehkonomiki [Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics]**, no. 2 (32), pp. 97–100. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.